

УДК 82.00

КИРА ТКАЧЕНКО

(Славянск)

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОБЫТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»
А.С. ПУШКИНА).**

Ключові слова: епічна подія, поетична колізія, безподійність, безіменність, художня подія, життєва подія.

Одним из проблемных понятий является понятие об эпическом событии. «Событие» – один из концептов, определяющих восприятие художественного произведения. Однако, как это часто бывает в гуманитарных изысканиях, интерес к терминологически выделенному проблемному узлу разжигается разногласием относительно ближайшего контекста его употребления. Для литературоведения – это вопрос о том, о каком событии идет речь в первую очередь: о событии ли рассказывания или о рассказываемом событии (в терминологии М.М. Бахтина).

Именно такое расхождение можно наблюдать при сопоставлении наиболее отчетливых определений природы события, принадлежащих различным исследователям. Приводим ниже ряд цитат, не претендуя на освещение «истории вопроса». По Ф. Гегелю, событие есть «исполнение намеченной цели», вследствие чего открывается «во всей его полноте цельный внутри себя мир, в совокупном круге которого движется действие» [2, с. 472]. Ю.М. Лотман: «... значимое отклонение от нормы (то есть «событие», поскольку выполнение нормы «событием» не является) зависит от понятия нормы» а последнее принадлежит некоторому субъекту (типу культуры)» [3, с. 283]. Н.Д. Тмарченко: «...переход от одной ситуации к другой <...> в результате ли его [персонажа – К.Т.] собственной активности (путешествие, новая оценка мира) или «активности» обстоятельств (биологические изменения, действия антагонистов, природные или исторические перемены)» [7, с. 80]. П. Рикер: «Событие – это то, что могло произойти по-другому» [6, с. 115].

Общее критическое замечание, вбирающее в себя претензию ко всем вышеприведенным формулировкам, заключается в том, что такие характеристики события в полной мере совпадают с описанием события весьма прозаического свойства – а именно события эмпирического, события реальной действительности. Такому подходу противодействует стремление уловить специфику собственно поэтического события: «Всё активно (под определенным смысловым и эмоциональным углом зрения) воспринятое созерцателем, будучи событием его собственной внутренней – душевной и духовной – жизни, вместе с тем становится также событием бытия поэтического мира. Не только совокупность изображенных событий, но совокупность чувств, мыслей, догадок, предположений (правильных и даже неправильных) входит так или иначе

в художественное событие целого произведения. Мир не только эмоционально переживает себя, но и осознает. Последнюю задачу выполняет исследователь, формируемый не только контекстом науки, но и поэтическим миром» [8, с. 142].

Совершенно очевидно, что в приведенных цитатах акцентированы фундаментально различные стороны проблемы. С одной стороны, то понимание события, которое резче всего постулирует Ю.М. Лотман (именно как нарушение нормы, отклонение), с ничтожными смысловыми потерями может быть применено к событию тривиальной «реальной» действительности. И это обстоятельство как будто принуждает искать теоретического перевеса в тезисе В.В. Фёдорова о специфическом тождестве «бытия и мышления» в поэтическом мире. Однако легко предвидеть возражение противной стороны: никто и не отрицает субъективного компонента в осуществлении события. Этот компонент неустраним из самой эмпирической реальности. И в тезисе Ю.М. Лотмана, и в тезисе В.В. Федорова присутствует предположение об актуальности, в одном случае, некоей нормы, соблюдение которой регулируется запретами, и, во втором случае, некоего «правильного» восприятия (поскольку исследователь причисляет к событиям в поэтическом мире «даже» неправильные предположения).

Речь пойдет об одном эпизоде из эссе М.И. Цветаевой «Пушкин и Пугачев» [9]. Как будет показано, М.И. Цветаева, будучи своеобразным читателем, читателем-поэтом, сделала выводы, органично вошедшие в корпус соображений по поводу «Капитанской дочки». Мы имеем дело с «неправильностью» восприятия и, соответственно, с появлением неслучившегося «на самом деле» события. Мы полагаем, что своеобразный взгляд такого читателя не может не способствовать прояснению некоторых особенностей поэтического события вообще и эпического в частности.

Итак: «Когда уличенный во лжи Гринев признается, что Марья Ивановна не племянница попа, а дочь убитого коменданта: « – Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось». Почему (омрачилось)? Да не потому, конечно, что Марья Ивановна дочь того, а не племянница другого, а потому, что Гринев ему солгал, себя в его глазах ложью уронил, и – главное, может быть, – ему, Пугачеву, не доверился. Но и это сходит – как сходило все и что не сошло бы! – и Пугачев просится к Гриневу в посаженные отцы» [9, с. 228].

Фабульный факт таков: Гринев не говорил Пугачеву о Маше ничего, кроме правды, что она сирота и его невеста. И сам Пугачев говорит не: «Ты мне солгал», а: «Ты мне этого не сказал». (Лжет, как всегда, Швабрин, утверждая, что солгал Гринев). М.И. Цветаева, по ее собственному слову, очарованная Пугачевым, невольно искажает суть происходящего до противоположности. Такой взгляд поэтессы связан с жадой события в том смысле, который увязывается с отклонением от нормы: она хочет увидеть еще один великодушный поступок Пугачева – что весьма, конечно, странно для казака-самозванца и, соответственно, вдохновляющее отклоняется от нормы поведения такого человека. На фоне этого предвосхищения Гринев и превратился в тривиального лгуна: ложь во спасение на статус события явно не тянет. «На самом деле» произошедшее не то, чтобы обесцени-

вает поступок Пугачева, но зримо лишает его поведение желаемого читателем (М.И. Цветаевой) масштаба романтического разбойничьего благородства.

Итак, такой взгляд поэтессы, ставший для нас отправным пунктом, явился, видимо, следствием какого-то важного смущения, преодолеваемого приписыванием Гринева лжи во спасение.

Рассмотрим поведение всех заметных персонажей повествования с точки зрения потенциальной событийности их поведения. Каждый из них оказывается в ситуации испытания перед лицом Пугачева. В качестве антагонистических являются поступки 1) признания бунтовщика царем и 2) непризнания его царем. Признание Пугачева царем – нарушение присяги, непризнание – сопротивление инстинкту самосохранения. Следовательно, в первом случае нарушается социальный запрет, во втором – биологическая закономерность. И то, и другое – события в перспективе, задаваемой точкой зрения, например, Ю.М. Лотмана.

Петр Гринев, признаваясь в своей неспособности так или иначе именовать Пугачева ввиду его, Пугачева, прямого требования это сделать, очевидно, не нарушает никакого запрета, не пренебрегает никакой нормой. Отсюда следует, по-видимому, что поступки Петра Гринева событиями не являются. Гораздо больше на статус события в описанном Ю.М. Лотманом смысле претендует, например, преданность Савельича, которая в качестве варианта предполагает целование жилистой руки и принесение присяги новому хозяину.

Напомним эти эпизоды:

I. «Цалуй руку, цалуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич!» – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – «Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцалуй у злод... (тьфу!) поцалуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!» – Меня подняли и оставили на свободе.

Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии» [5, с. 325].

II. «Чему ты усмехаешься? – спросил он меня нахмурясь. – «Или ты не ве-ришь, что я великий государь? Отвечай прямо».

Я смутился: признать бродягу государем – был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостью. Я колебался» [5, с. 332].

III. « – Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...» [5, с. 356].

С нашей точки зрения, содержание поступков Гринева в разбираемых эпизодах буквально лежит на поверхности: это незнание Гринева, как имено-

вать Пугачева. Это не гордый жест отчаянного офицера, а понятное затруднение. Петр Гринев, в самом деле, не знает, кто перед ним, потому что сам предстоящий не знает этого: этим объясняется его настойчивое желание оправдать свои притязания с помощью Гринева. Пугачев в глазах Гринева не вор и не царь. Но ситуация антагонистического конфликта не предполагает третьего имени в данном случае. Повествование вновь и вновь разрешает себе дальнейшее движение «сквозь» смущение и молчание главного героя. Незнание (невозможность выбора имени) Гринева, с одной стороны, и поиск имени Пугачевым – с другой, учреждает антагонизм не по линии веры-неверия в его царскую миссию, а по линии именованности его царем и/или воров и незнания, кто он.

«Форма «непонимания» – нарочитого у автора и простодушно-наивного у героев – является организующим моментом почти всегда, когда дело идет о разоблачении дурной условности (например, Бородинский бой с т. зр. Пьера)» [1, с. 313]. По одну сторону этого противоречия оказываются такие разные по фабуле герои, как Швабрин, Савельич, капитан Миронов (и такие читатели, как М.И. Цветаева), по другую – Гринев и Пугачев. Состояние бунта – это состояние безыменности, временной утраты имени. Интересны в этой связи исторические свидетельства, иллюстрирующие этот тезис: «В рамках господствовавшего тогда мифологического мышления простая механическая перестановка социального верха и низа была невозможна. Она неизбежно должна была облечься в форму знаковой перемены, что побудило пугачевцев произвести серию символических переименований: например, яицкий казак И. Зарубин «превратился» в графа Чернышева, А. Овчинников – в графа Панина, М. Шигаев – в графа Воронцова. В масштабе традиционного социокультурного измерения подобные действия допустимо рассматривать как парадоксальные, но никоим образом не как примитивные» [4, с. 349]. Расправа над бунтовщиком включала обязательным эпизодом самоименование казнимого: «В самом начале кровавого действия [казни – К. Т.] его громко, при стечении огромного количества присутствовавших спрашивали: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» На что он столь же громко ответил: «Так, государь, я – донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев!» [4, с. 407].

М.И. Цветаева не выдержала испытания неговорением Гринева потому, что незнание-молчание Гринева как бы вытолкнуло ее – как читателя – в дособытийное (доэтическое) состояние. Отметим, что собственно поэтическая коллизия связана в разбираемых нами эпизодах с деэтизацией именованности: Гринев не знает, как назвать Пугачева потому, что любое именование дает дурную завершенность именуемому как этическому субъекту.

М.И. Цветаева приписала Гринеvu ложь именно по этой причине: чтобы остаться в живых, а, тем более, спасти любимую – ложь позволительна. Мы выходим, таким образом, на проблему именованности (высказывания) как этического акта. Конфликт, в который вовлечены герои «Капитанской дочки», представляет собой как бы развертку этого глубинного конфликта в социально-исторической плоскости как конфликта антагонистов, претендующих на обладание «правильным» именем. Разрешение этого конфликта пред-

ставляется победой одной из сторон. Прямое столкновение сторон неизбежно приводит к поражению одной из них. Формы этого поражения могут быть различны: Швабрин, не веря, несомненно, ни на грош в царский статус беглого казака, переходит на его сторону. (Это бесчестие не извиняется, конечно, скрытым мотивом Швабрина: страстью к Марье Ивановне.) Жители взятых крепостей присягают Пугачеву, быть может, искренне веря в его намерения и мощь. Савельич, плюясь в сторону, именует «злодеев» «твоими ребятами». Разрешение такого конфликта подразумевает торжество правды над ложью или – временно – наоборот. Однако, как мы уже отметили выше, фабульный антагонизм произведен по отношению к конфликту поэтическому. Упорство сторон в выборе «точного» именованья не может разрешиться победой ни одной, ни другой: обе стороны упорствуют в этизации именованья, в утверждении одного из возможных отклонений от нормы. Именно из такого контекста поведение Петруши Гринева предстает «бессобытийным», нуждающимся в завершении.

Событие именованья, подробно рассмотренное выше, позволяет в ином свете увидеть и, соответственно, интерпретировать те фабульные эпизоды, которые с полным основанием можно назвать ключевыми.

Несмотря на кажущуюся простоту содержания конфликта двух миров, «дворянского и крестьянского» (Ю.М. Лотман), просматривается иной аналитический ракурс. В этом ракурсе становится возможной перспектива анализа, в которой крестьянский бунт – предмет изображения – предстал бы вторичным, производным по отношению к внутреннему конфликту всякого эпического повествования: конфликту собственно конкретной социально-психологической реализации («роли») человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике / Г. В. Ф. Гегель // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли / Гегель Г. В. Ф. – М., 1959. – 472 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
4. Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия / В. Я. Мауль // Русский бунт : сб. ист.-лит. произв. – М., 2007. – С. 255–433.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837– 1937 : в 16 т. Т. 8. Романы и повести. Путешествия / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 496 с.
6. Рикер П. Время и рассказ : в 2 т. Т. 1 / П. Рикер. – М. ; СПб., 2000. – 313 с.
7. Тмарченко Н. Д. Событие / Н. Д. Тмарченко // Литературоведческие термины (материалы к словарю). – Коломна, 1999. – С. 79–80.
8. Федоров В. В. О природе поэтической реальности / В. В. Федоров. – М. : Сов. писатель, 1984. – 189 с.
9. Цветаева М. Пушкин и Пугачев / М. Цветаева // Русский бунт : сб. ист.-лит. произв. – М., 2007. – С. 217–255.

КИРА ТКАЧЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОБЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А.С. ПУШКИНА)

В статье исследуется художественное своеобразие последнего произведения А.С. Пушкина, уникальность его повествовательной структуры. Рассматриваются различные точки зрения исследователей на «природу» художественного события, а также особенности восприятия событий, происходящих в художественном произведении.

Ключевые слова: эпическое событие, поэтическая коллизия, бессобытийность, безымянность, художественное событие, жизненное событие.

KIRA TKACHENKO

FEATURES OF THE PERCEPTION OF THE ARTISTIC EVENT (BASED ON «THE CAPTAIN'S DAUGHTER» A. PUSHKIN)

The paper investigates the artistic originality of the last works of A. Pushkin, the uniqueness of its narrative structure. Various researchers point of view on the «nature» of artistic events, as well as the peculiarities of the events perception occurring in the artwork.

Key words: epic event, poetic collision, uneventful, anonymity, art event, life event.

Одержано 9.12.2013 р.